

Моя родословная

Имя мое — Человек, Отчество мое — Отечество. А фамилию поищите На мраморных плитах братских могил.

У могил, как и у коммунальных квартир,

Переписаны постояльцы. И в решающий час легко поменять адреса:

Жесть — на мрамор, жизнь — на жесть.

И только жизнь на жизнь Никогда нельзя поменять.

Тяжело тебе сейчас, мой стих. Не строчки, а желваки

перекатываются по бумаге. Как танки по изрытой войной земле, Как слезы по небритым щекам солдата.

Так пусть тебе будет еще тяжелей! Все равно не тяжелее, чем

родственникам моим Под мрамором вечной славы. Слава павшим? К чему им слава? Они б ее променяли На маленький глоточек неба, На секунду щемящей боли, Которой болит мое сердце, Когда я пишу о них. Они б ее променяли! И не спорьте! — Люди они, как и мы. Променяли так же, как отчий дом —

на окопы, Как невесту — на винтовку,, Как жизнь — на смерть. Потому что, выпив глоточек неба

И ощутив, как болит сердце, Они бы все повторили сначала.

Тебе тяжело, мой стих.

Не герольд ты, чтоб петь мою

родословную, Да и без тебя война отчеканила

герб моей семьи: Обелиск над могилою братской! Севастополь... Смертью храбрых, Харьков... Смертью храбрых, Прага... Смертью храбрых! Вот они, адреса, По которым разыскал я родственников!

Ах, как шутишь ты, адресное бюро. Что значит «означенный не значит»? Значится!

И под Севастополем.

Значится!

И под Харьковом!

Значится!

И под Прагой! Навеки они прописаны В сотнях братских могил. В памяти Родины — значатся! В крике ребенка — значатся! В седилах матери — значатся! И в сердце моем — значатся! Иначе б не болело оно!

Что я сам по себе? Пустяк. Пятьдесят килограммов костей. Деже грипп со мной не желает считаться. Сам — как есть — Я бы смог и солгать, и смолчать... Смог бы, если не носил бы фамилии вашей.

— Родственники есть?

— Да, и за рубежом!

Приглядитесь — вечный огонь Взожгли над моею фамилией. Как Антей от нее набираюсь сил И мужество павших вливается в жилы.

Потому не солгу, не смолчу... Имя? Я уже говорил — Человек! Отчество мое? — Отечество. И самая обыкновенная на земле фамилия.

I. Дороги, год 1941...

(глава из поэмы)

Да, было трудно привыкать к такому...

Хрипело небо бронхами моторов, Надрывно и настойчиво хрипело... На землю зло отхаркивая смерть. Шли беженцы, еще во что-то веря. До боли велики в своем упорстве. И у дорог могилы вырастали, Заплаканные холмики земли. А мимо шли солдаты, уходили И к нашим лицам глаз не поднимали. Дышали тяжело и беспокойно И сплевывали злобу свою в грязь. А зарева в полнеба полыхали. И спереди, и сзади, и повсюду... Нас слухи догоняли, обгоняли И страхом расплзались по сердцам. Да, было трудно привыкать к такому.

И страшно то, что многие привыкли, Садись у обочины дороги И бормотали тупо: «Будь что будет...»

Горела свечка в домике дощатом, А, может быть, не в домике — в

сарая.
Еще сильнее горела малярия
В мальчишеских испуганных глазах.
Мальчишка пил вонючую
похлебку — Смотрел на маму требующим
взглядом. Хотел он хлеба, маленький
оборвыш, Кусочек корки черной и сухой, Которая ему все чаще снится, Такая серая, как небо на рассвете, С
пьянящим запахом и острыми
краями
И с плесенью, дымящейся внутри. А рядом дядька, страшный и
опухший,
Разинув рот, лил в глотку самогонку, Сморкался громко в грязную
рубашу
И плакал, не стесняясь никого. «Эх... мать его... Конец теперь
России...»
И зубы ржавые стучали о бутылку, И бабы перепуганно крестились, И крепче прижимали малышей. Одна из
них привстала, молодая, Ребенка сунула неторопливо в
тряпки,
Шагнула к пьяному, вгляделась
остро
И прошептала глухо: «Ну и гад»... Потом вернулась медленно к
ребенку,
Который криком изошел надсадным, И сунула ему в кричащий ротик С досадой нежный, розовый сосок.
Горела свечка в домике дощатом, Потом рассвет горел, не унимаясь, И под ногами чавкала привычно

...А ты представь себе, как пахнут
розы,
Когда проснутся от лучей
рассветных С румянцем детским на щеках
упругих
И, вздрогнув, отряхнутся от росы. Ты пробовала гладить их рукою И к лепесткам губами прикасаться, И думать
о любимом человеке, Чего-то очень радостного ждать...
...А губы шепчут: «Только бы
вернулся, Пускай без рук, но только бы
вернулся».
А впереди и сзади розы, розы — Кровавые пожаров лепестки. Мела поземка вялою метлою И новые могилы
засыпала, Но люди шли оборванные, злые И западу грозили кулаками. А за спиною гулы затихали И нам
навстречу шли
красноармейцы, Не с нами шли, а шли уже
навстречу... Ты вдумайся, они навстречу шли! А женщины толпились у обочин, Вокруг смотрели светлыми
глазами, Но ничего они не говорили. Им радоваться не хватало сил. Они смотрели светлыми глазами —
Смеяться им и плакать не хотелось. В глазах одно живое билось слово: — Домой!

Белый ветер

Белый ветер...
Опять он пришел, белый ветер! В нем слышались шорохи
очень усталых полозьев, Чья-то песня раскосая, А может, совсем неземная. Ее женщина пела, Красивая
женщина пела В белом-белом костюме с колючками острых снежинок, С глазами, как луны, в которых мечта
поселилась. А мечта, лишь поддайся — уведет в холода голубые.
Белый ветер...
Нет, я не забыл этих белых
распятий —
Белых вешек по зимнику
на безжалостно белом снегу.
О, как пристально друг мой
Глядит в это белое небо.
И снежинки не тают
Двое суток на зрачках у него.
Я в долгу? Перед кем?..
Белый ветер, оставь ты меня!

Не стучи ты в свои барабаны!
Разве робко я жил,
Разве прятался в теплой норе?
Посмотри на мои волосы —
В них навеки запутались пурги,
Положи руку на сердце —
Оно, как перегретый мотор!
Белый ветер...
Зачем ты пришел, белый ветер?
Это значит — не спать,
Это снова метаться ночами...
Ты прости, дорогая,
За любовь, что томится
В предчувствии тяжком дороги,
За тоску и за боль,
за холодный, нетопленный дом.